

ТРЕВОЖНЫЙ ГОД

Из воспоминаний старого актера

В конце 50-х годов мне пришлось готовить к переизданию знаменитые «Записки охотника Восточной Сибири» А. А. Черкасова (1834—1895). Для библиографического очерка материалов было мало. Долго и упорно пришлось разыскивать и собирать литературное наследие этого «сибирского Аксакова». Каждый раз, когда, казалось, найдена нить к архиву и потомкам писателя, смерть останавливала поиски. Совсем незадолго до моего запроса умер в Бодайбо сын Черкасова... Только племянник — Александр Аполлинарьевич, который отыскался в Благовещенске, успел прислать ответ. В этом письме на 16 страницах адресованном в Киров, наряду с ответами на мои вопросы, он упомянул, что немного знает вятский край, так как в 1919—1920 годах жил в городе Орлове (теперь г. Халтурин).

Совсем недавно сын его Владимир Александрович прислал мне рукопись отца «Страницы книги моей жизни» (210 стр.). В ней вспоминаются годы пребывания в Екатеринбургском реальном и Московском филармоническом училищах, работа в Малом театре, военная служба и демобилизация из-за ранения, театр в Перми (Мотовилиха). В начале января 1919 года Черкасова назначили инструктором по театральному делу агитационно-просветительного отделения Орловского уездного военного комиссариата.

Орлов был мало похож на город, хотя имел примерно семь тысяч жителей. Почти все дома деревянные. Одно здание приспособили под городской клуб с небольшой сценой и зрительным залом человек на двести. Черкасов стал режиссером-художественным руководителем. При активном содействии командования запасного артиллерийского батальона, уездного военного комиссара и немногочисленной местной интеллигенции (учителей, медиков) ему удалось быстро наладить дело. В постановке спектаклей принимали участие местные любители и красноармейцы. Используя профессиональные навыки и предыдущий опыт в Мотовилихе, Черкасов многих заинтересовал театром, заставил артистов проводить не менее десяти репетиций. Удавалось создать неплохие декорации. Зрители охотно посещали клуб. В городе произошло небывалое: спектакль «Савва» Л. Андреева шел три дня подряд при полных сборах. Уже с утра у кассы театра стояли очереди. Деньги за спектакли шли на культурные нужды города.

Особенно помогали красноармейцы и комиссар батальона Тиунов, который с успехом играл в «Савве» роль Ирода. Сам Черкасов играл роль бунтаря-анархиста.

Затем ставили пьесу Островского «Свои люди — сочтемся». Перед спектаклями читали реферат о драматургии, а после спектакля устраивали вечера критики: зрители анализировали постановку, отмечая хорошие и плохие стороны ее, толкование ролей-типов пьесы и т. д. Это сближало артистов и зрителей.

Но шла война. Белогвардейцы заняли Пермь, стали двигаться к Вятке и подошли уже к Глазову. Запасной артиллерийский батальон отправился на фронт. В марте 1919 года уездный военный комиссариат, учитывая, что Черкасов бывший прапорщик, назначил его командиром отряда по борьбе с дезертирами.

Тогда в некоторых деревнях Вятской губернии и в ее лесах появились «зеленые» — дезертиры из Красной Армии, разного рода шкурники, уголовные элементы и враги Советской власти. В помощь Черкасову дали сначала пятнадцать чекистов, а потом сто красноармейцев, и он около двух месяцев кружил вокруг Орлова по лесам и деревням, вылавливая «зеленых». За эти месяцы он в Орлове почти не бывал, поэтому работа в клубе замерла.

В мае он получил предписание сдать свой отряд помощнику и заняться агита-

ционной работой в пяти деревнях, расположенных по пути в Орлов. «Я немного удивился, — писал Черкасов, — ведь я же беспартийный. Но в то же время был польщен оказанным доверием и решил действовать так: взяв в сельсовете лошадь с возничком, с кавалерийской винтовкой без штыка, с револьвером-наганом на правом боку, утром отправился по данному мне маршруту. Было воскресенье, хороший теплый день. В деревне подъехал к кулацкому дому, в котором всего два дня назад нашел сынка-дезертира, простился с возничком и вошел в избу. В сборе была вся семья. Поздоровался, объяснил, что приехал провести сегодня вечером собрание жителей деревни и решил, что остановиться мне лучше всего у «знакомых». Немного посмеявшись моей шутке, хозяева любезно угостили меня чаем с пирогами.

После этого пошел в сельсовет. С председателем договорился о собрании, сказал, где остановился. Винтовку оставил в избе, а патроны к ней и револьвер были со мной. Где мой отряд, я никому не сказал.

Вечером состоялось собрание на площади. Впервые я выступал с агитационной речью о помощи фронту. Конечно, речь, наверное, была не особенно блестящей. Возникло немало вопросов, на которые я отвечал так, как понимал в то время политику партии и Советской власти. Часов в восемь на виду у всех ушел ночевать к тому крестьянину, у которого остановился.

Утром в сельсовете взял лошадь и поехал дальше. В какую ехал деревню или в Орлов, никому не говорил. Название деревни сообщал возничку по дороге.

Объехав таким образом все указанные мне деревни, вернулся в Орлов. Когда сдавал отчет о своей агитационной работе в городском комитете партии, то все смеялись и спорили: прав ли я был, останавливаясь у родителей взятых мною дезертиров.

В те времена немало было убийств активистов, выезжавших в деревни и останавливавшихся в сельсоветах или у крестьян-бедняков».

Вскоре комиссия по борьбе с дезертирством прекратила работу, и Черкасова назначили командиром караульной роты г. Орлова. На него возложили еще председательство в гарнизонной культурно-просветительной комиссии и в комиссии помощи фронту.

Свободное время снова уделял работе в клубе. Правда, спектакли ставились реже, но чаще устраивались концерты, так как удалось организовать хор и струнный оркестр, появились и солисты — певцы, декламаторы, танцоры.

Прошло трудное и тревожное лето. «Пятого сентября 1919 года, — вспоминал Черкасов, — я пошел в военкомат, которому подчинялась караульная рота. Меня догнал уездный военком тов. Чупраков и спросил: «Скажи, Черкасов, долго ты будешь ходить беспартийным?» Я молчал. «Не пора ли тебе окончательно решить вопрос и вступить в партию? Как-то даже занятно получается: ты выступаешь с докладами по путевкам партии, ездишь агитатором по деревням, сейчас председатель комиссии помощи фронту. Два члена комиссии члены партии, а председатель беспартийный. По-моему, пора».

— Да, пожалуй, ты прав. Но кто за меня поручится? Ведь, кажется, надо двух поручителей?

— Один поручитель — я, а другого сейчас увидишь. Пойдем со мной, — сказал Чупраков и повернул к дому горкома партии.

Мы вошли. Застали секретаря горкома тов. Целищева. Поздоровались. Чупраков говорит ему:

— Вот привел Черкасова, хватит ему диким ходить. Один поручитель — я.

Целищев посмотрел на меня сквозь очки, улыбнулся и сказал:

— Правильно, пора! Мы тебя, Черкасов, уже достаточно знаем. Садись, пиши заявление, заполни анкету. Вторым поручителем за тебя буду я. Через полчаса у нас как раз заседание бюро горкома.

...Шесть часов вечера. Собрание городской партийной организации. Стоит и мой вопрос. Целищев зачитывает мое заявление с просьбой принять в ряды РСДРП(б), анкету, рекомендации. Просят рассказать свою биографию, задают вопросы. Чувствую себя взволнованным. Собрание единогласно решает принять меня в партию. Тогда кандидата-ского стажа еще не существовало».

Вскоре Черкасова откомандировали на Дальний Восток. Там он работал много лет в театрах и киностудиях, был режиссером ряда научно-популярных кинофильмов. Умер в 1960 году на 71-м году жизни. Свои воспоминания он закончил (стр. 197—207) рассказом об Орлове. При бедности мемуарных источников той поры его заметки представляют несомненный краеведческий интерес. Важные сведения он сообщил и о своем дяде — писателе и охотнике. Теперь найдены указания на то, что в бумагах автора «Записок охотника» были автографы поэта Н. А. Некрасова, который редактировал первое издание книги. Поиски продолжаются.

Евг. ПЕТРЯЕВ.

НА СНИМКЕ: А. А. Черкасов.